

**Феномен масс как предмет
мультидисциплинарного исследования**

Одним из смыслопорождающих концептов современного социального дискурса служит термин «массы», являющийся первичным по отношению к множеству других (в таком контексте – «дочерних») понятий, вне которых невозможен анализ ведущих общественных факторов Модерна и Постмодерна (*массовое сознание, массовая культура, массовые движения, массовое общество, массовый человек* и т.д.).

Сегодня тема масс осознается как системообразующий объект комплексных исследований, требующий интеграции методологического и методического арсенала всех наук, так или иначе изучающих общество и человека. Формирование научных представлений о механизмах функционирования масс в социально значимых процессах, особенностях массового сознания, массовых настроений и массового поведения как основополагающих факторов функционирования всей социальной макросистемы является одной из наиболее востребованных жизнью задач. Ведь именно массами в решающей степени определяется практическая судьба всевозможных политических, правовых, экономических, культурных и прочих «инноваций». Однако многие исследователи испытывают серьезные теоретические трудности, обусловленные многообразием интерпретации термина «массы» как в различных научных дисциплинах, так и в различных контекстах внутри дисциплин. В настоящей

* **Марченя Павел Петрович**, кандидат исторических наук, доцент; заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России;

Бельский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор; начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России.

статье представлен сокращенный авторский вариант жесткого отбора и концентрированного обобщения историографически значимых попыток выявить смысл и существенные характеристики «масс».

В специальной литературе сложилась традиция противопоставления различных исследовательских подходов. Например, согласно доминирующей «психологической» точке зрения, принято считать, что понятие «массы» (одновременно привлекающее внимание философов, социологов, политологов, культурологов, историков, правоведов, антропологов, практических политиков, партийных идеологов и публицистов) по приоритету введения в научный оборот принадлежит психологам (хотя и они в свое время позаимствовали его у физиков). Так, один из крупных отечественных авторитетов в области «психологии масс» **Д.В. Ольшанский** подчеркивал: «Поскольку понятие «массы» изначально было и остается психологическим, ключ к его пониманию можно найти только в психологической науке»¹.

Однако в рамках одной лишь психологии познание масс остается неполным и однобоким. Так, **Г.Ю. Чернов** предлагает выделить пять основных подходов – «с точки зрения дисциплинарной ориентации исследования» – и еще четыре подхода – «наиболее типичных или наиболее важных в научно-эвристическом отношении»².

По *дисциплинарной* ориентированности, по его мнению, главными подходами являются: 1) *социологический* (выявляющий место социально-массовых явлений в структуре общества и системе социальных взаимодействий и анализирующий массу как социальную общность); 2) *политологический* (выявляющий роль массы и массового сознания как компонентов политической жизни общества, сопоставляющий массы с политической элитой и политическими институтами, а массовое сознание и его эволюцию с идеологиями и политической динамикой); 3) *социально-психологический* (концентрирующийся на исследовании общности массовых психических процессов и

возникающего на этой основе специфического массового поведения); 4) *культурологический* (выявляющий место и роль социально-массовых явлений в процессах культурного воспроизводства и сосредотачивающий внимание на проблеме «массовой культуры»); 5) *социально-философский* (интегрирующий, синтетический подход, системно осмысливающий место и роль массовых реалий и встраивающий полученные выводы в философскую картину мира).

Добавим, что подобный перечень, по аналогии, можно продолжать, включая в него и иные социогуманитарные дисциплины. Так, *исторический* подход будет исследовать обусловленность объективных проявлений масс конкретно-историческими реалиями общественной практики; *социально-правовой* подход будет сосредоточен на рассмотрении масс в контексте развития государства и права и выявления правового в структуре массового; *социально-антропологический* подход будет обращен на осмысление специфического типа «человека-массы»; *аксиологический* подход будет выявлять имманентные массе особые рода ценности... и т.д.

По *научно-эвристической* ориентированности Чернов выделяет следующие подходы: 1) *политико-ориентированный* (рассматривающий массу как диалектический полюс власти, политической элиты – электорат, политическое большинство и объект управления, а массовое сознание как совокупное волеизъявление – потенциальное мнение общества в целом либо его существенного фрагмента); 2) *социально-психологический* (рассматривающий массу как проявление нового качества, рождающегося в совокупности контактно или опосредованно взаимодействующих индивидов – в сравнении с изолированными индивидами); 3) *культурцентристский* (исследующий взаимодействие массы – заурядного, ориентированного на ценности потребления большинства – и духовной элиты –

высокоморального и компетентного творческого меньшинства, развивающего культуру и цивилизацию); 4) *социокультурный* (являющийся результатом синтеза плодотворных методологических посылок других подходов и ориентированный на системное исследование социально-массовых явлений в комплексе «общество – общественное сознание – культура», при котором, наряду с исследованием отдельных качеств и внутренних взаимодействий, анализируется детерминирующее воздействие, определяемое закономерностями всей социальной макросистемы).

Очевидно, что и этот перечень можно продолжать. Поэтому целесообразно определить, каково первоначальное происхождение термина «массы» и какие парадигмальные смыслы вкладывали в него крупнейшие исследователи.

Этимологически слово «масса» восходит к латинскому *māssa* – *ком, кусок, тесто, глыба, гряда, громада...* – и в повседневном языке употребляется не менее чем в девяти различных смыслах: 1) физическая величина, измеряющая количество вещества в теле, мера инерции тела по отношению к действующей на него силе («масса тела», «масса вещества»); 2) бремя, тяжесть («неподъемная масса», «посильная масса»); 3) тестообразное бесформенное вещество, густая смесь («расплавленная масса», «ядовитая масса»); 4) нечто неопределенное и большое («массивное»), сосредоточенное в одном месте («серая масса», «неразличимая масса»); 5) множество (= «тьма», «уйма», «куча»...), значительное количество чего-либо («масса оружия», «масса литературы»); 6) широкие круги населения («массы – сила», «знания – в массы»); 7) совокупность людей, характеризующаяся специфическими признаками; эмпирически наблюдаемая контактная группа людей, подчиняющаяся в своем развитии единым психическим механизмам («разъяренная масса», «испуганная масса»); 8) определенный социокультурный тип человека – посредственного («массового» = «усредненного»), ничем не выдающегося, принадлежащего к

инертному большинству, основной формой бытия которого является «*рассеянная масса*» («люди массы», «человек-масса»); 9) собственно сам «народ» как объект и социальная база властного управления (в бинарной системе «*политическая власть – народные массы*») или как субъект (агент) истории, носитель и движущая сила (орудие) исторически значимых процессов («*творящие историю массы*», «*революционные массы*»).

Временем введения в оборот термина «массы» в обществоведческом смысле принято считать рубеж XVIII–XIX вв. В качестве авторов, которые одними из первых стали называть презираемые и в то же время пугавшие аристократов силы «толпами» или «массаами», обычно указывают на размышлявших о движущих силах буржуазной революции **Э. Берка** («Размышления о Французской революции», 1790)³ и **Ж. де Местра** («Рассуждения о Франции», 1796)⁴. Таким образом, теоретическое осознание феномена массы традиционно связывают с событиями Великой французской революции, когда массы становятся очевидно действенной силой, на которую вынуждены обратить внимание представители элит.

Это не значит, что ранее такой проблемы не существовало или она не получала отражения в социальной мысли. Еще Платон и Аристотель предупреждали об опасности вырождения «демократии» в «охлократию» и «тиранию», об угрозе превращения «демократического человека» (сопоставимого с «человеком массы») в «тиранического человека». В истории социальной мысли практически на всех ее этапах можно найти немало интересных наблюдений, связанных с темой масс⁵. Однако первым признанным теоретиком масс по сложившейся академической «массологической» традиции считают **Г. Лебона**. В ставшем парадигмальным для западного обществознания труде «Психология народов и масс» (1895) он подверг острой критике идеи социального равенства и рациональности вмешательства масс в историю. *Массу* он

рассматривал как иррациональную разрушительную силу, подавляющую индивидуальность человека – то есть как *толпу*, под которой подразумевал всякое ситуативно накопившее множество (скопище, сборище) людей, зараженных общим психическим состоянием – то есть любое собрание индивидов, при котором исчезает сознательная личность и образуется «коллективная душа». Так социальные мыслители заговорили не просто о *явлении масс*, но о наступлении «*господства масс*» как новой эпохи в истории человечества. «Могущество масс представляет собой единственную силу, которой сегодня ничто не угрожает и значение которой все увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине *эрой масс*»⁶, – констатировал Лебон, увидевший в изменении роли масс симптом глубинной качественной трансформации общества, самой его «души». Суть нового общества Лебон пытался ухватить через определение «*массовое общество*», которое было подхвачено многочисленными эпигонами.

Весомый вклад в историю психологического осмысления масс внес и **Г. Тард**, переосмысливший массу не как «толпу», а как «*публику*» – «духовную общность индивидов, физически разделенных, но соединенных чисто умственной связью»⁷ (через внушение и подражание). Он полагал, что точнее говорить не о наступлении «*эры толп*», а о наступлении «*эры публики*» (в которой влияние в массе людей друг на друга стало возможным на расстоянии, благодаря развитию средств массовой информации и коммуникации).

Яркий след в философских и культурологических представлениях о массах оставил **Ф. Ницше**, заложивший элитистское, культурно-расистское обоснование взглядов на массу как на «низший вид», серое и завистливое человеческое стадо, призванное служить материалом для «высшего человека». По мысли эстетизировавшего духовный индивидуализм Ницше, «масса – только средство», «ибо способность человека массы быть дрессируемым стала весьма велика в этой демократической

Европе; люди, легко обучающиеся, легко управляемые, представляют правило; стадное животное... Кто может повелевать, находит таких, которые должны подчиняться». «О массах надо думать столь же бесцеремонно, как сама природа: они нужны для сохранения вида», а «на нужду масс взирать с грустной иронией: они хотят того, что мы просто можем – какая жалость!». Более того, от лица «философской элиты», Ницше открыто провозгласил: «Необходимо объявление войны высших людей – массе! Повсюду сплачивается посредственность, норовя провозгласить свое господство! Все, что размягчает, ослабляет волю, требует уважать «народ» или «женственность», – все это действует на пользу всеобщего избирательного права, то есть ведет к господству человека низшего порядка. Но мы проведем репрессии и вытащим все это барахло (которое в Европе завелось вместе с христианством) на свет и на суд...»⁸.

Одной из наиболее устойчивых парадигм стала психоаналитическая модель осмысления масс **З. Фрейда**, подобно Лебону, считавшего их важнейшим качеством обезличивание, обеспеченное тем, что в массе «сносится, обессиливается психическая надстройка, столь различно развитая у отдельных людей, и обнажается (приводится в действие) бессознательный фундамент, у всех одинаковый». Фрейд рассматривает массу в контексте своей теории либидо: «В массе этот процесс умножен, масса совпадает с гипнозом в природе объединяющих ее первичных позывов в замене «Идеала Я» объектом, но сюда присоединяется идентификация с другими индивидами, ставшая возможной благодаря одинаковому отношению к объекту. Оба состояния, как гипноз, так и массообразование, являются осаждениями филогенеза человеческого либидо – гипноз как предрасположение, а масса, помимо этого, как прямой пережиток»⁹. То есть психологической основой сознания и поведения масс (в частности, обожания массами своих вождей) Фрейд считает сексуальное влечение.

Пансексуалистскую тенденцию рассмотрения масс развил **В. Райх**. В получившей скандальную известность работе «Психология масс и фашизм»¹⁰, он попытался обосновать взаимосвязь «сексуального угнетения» и тоталитаризма. По его мнению, именно авторитарно-моралистское вытеснение в бессознательное половых потребностей свидетельствует о диктаторских тенденциях, превращая людей в механизированную массу. Если демократия связана с раскрепощением сексуального поведения, то тоталитарное государство, напротив, подавляет естественные влечения человека, благодаря чему формируется «рабская психология». В результате человек превращается в существо, психологически не способное к сопротивлению, не уважающее личность, не желающее проявлять инициативу и брать на себя ответственность, но готовое подчиняться любым приказам «фюрера».

Выдающееся место в историографии темы масс принадлежит **Х. Ортега-и-Гассету**. В «Восстании масс», ставшем культовым памятником мысли XX в., он настойчиво предупреждал об угрозе, которую несет «сокрушительный и свирепый бунт массовой морали, неотвратимый, неодолимый и темный, как сама судьба»¹¹. Ортега-и-Гассет подошел к анализу проблемы с позиции выяснения истоков «массовой культуры» и сущностных особенностей ее носителя – «человека массы». Сами «массы» он рассматривал как определяющий принципиальные перемены в мировой истории культурный (в определенном смысле – «антикультурный») феномен.

Работа **Э. Канетти** «Масса и власть» продолжает «Психологию масс» Лебона и «Восстание масс» Ортега-и-Гассета в исследовании социальных, психологических, антропологических, политических и философских аспектов масс. Однако, в отличие от этих авторов, Канетти рассматривал проблему массы в ее взаимосвязи с проблемой власти. В этом смысле, феноменологическое сочинение Канетти имеет больше точек соприкосновения с психоаналитической традицией Фрейда, акцентирующей

роль вождя и процесс отождествления большой группой людей своего «Я» с образом лидера. Однако если Фрейд интересуется главным образом действием психического механизма в отдельной личности, обуславливающее ее «растворение» в массе», то в центре внимания Канетти находится онтология массы и власти, «проблема функционирования власти и поведения масс как своеобразных, извечно повторяющихся примитивных форм защиты от смерти, в равной мере постоянно довлеющей как над властью имущими, так и людьми, объединенными в массе»¹². Под «массой» Канетти подразумевает взаимодействующее с «властью» и стремящееся к выживанию «тело социума». «Масса» и «Власть» выступают как базовые архаические социальные начала, которые формируют основные стратегии, преодолевающие человеческое одиночество и конституирующие человеческое существование в различных коммуникациях, где человек принимает на себя конкретный идентификационный код.

В экзистенциальной философии **К. Ясперса** масса рассматривается как господствующая сила современности, обеспечивающая «неподлинное существование» на основе принадлежности к большинству (в отличие от подлинной экзистенции, реализующейся в индивидуальной коммуникации): «Масса как толпа не связанных друг с другом людей, которые в своем сочетании составляют некое единство, как преходящее явление существовала всегда. Масса как публика – типический продукт определенного исторического этапа; это связанные воспринятыми словами и мнениями люди, не разграниченные в своей принадлежности к различным слоям общества. Масса как совокупность людей, расставленных внутри аппарата по упорядочению существования таким образом, чтобы решающее значение имела воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира»¹³.

В работе дружившей с Ясперсом **Х. Арендт** «Истоки тоталитаризма» еще более настойчиво проводится линия

рассмотрения массы как базисного субстрата тоталитаризма. Массы, по мнению Арендт, неразрывно связаны с тоталитаризмом как крайней формой «неподлинного существования»: «Тоталитарные движения возможны везде, где имеются массы, по той или иной причине приобретшие вкус к политической организации. Массы держит вместе не сознание общих интересов, и у них нет той отчетливой классовой структурированности, которая выражается в определенных, ограниченных и достижимых целях. Термин "массы" применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых в силу либо просто их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе, – в политические партии, или органы местного самоуправления, или различные профессиональные организации и тред-юнионы. Потенциально "массы" существуют в каждой стране, образуя большинство из тех огромных количеств нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать»¹⁴.

Наряду с негативным отношением к массе распространена и иная, более оптимистическая точка зрения. Например, **Р. Гвардини** при рассмотрении «человека массы» в качестве «прямой противоположности "личности"» подчеркивает: «Слово "масса" не несет здесь никакой отрицательной оценки – просто человеческая структура, связанная с техникой и планированием. Конечно, не имея еще никакой традиции, более того, вынужденная пробивать себе дорогу наперекор еще значимым традициям, она проявляется сейчас более всего в своих отрицательных свойствах. Но по существу, как и другой человеческий тип, она образует определенную историческую возможность. Она не принесет с собой разрешения экзистенциальных проблем и не превратит землю в рай; но она – носитель будущего, во всяком случае, ближайшего будущего, пока его не сменит более отдаленное». Масса – «это не множество неразвитых, но способных к развитию отдельных существ: она с самого

начала подчинена другой структуре: нормирующему закону, образцом для которого служит функционирование машины. Таковы даже самые высокоразвитые индивиды массы. Более того, именно они отчетливо сознают этот свой характер, именно они формируют этос и стиль массы... Но с другой стороны, масса в том смысле, каким мы наделяем это слово, не есть проявление упадка и разложения, как, скажем, чернь Древнего Рима; это историческая форма человека, которая может полностью раскрыться как в бытии, так и в творчестве, однако раскрытие ее должно определяться не мерками нового времени, а критериями, отвечающими ее собственной сущности. <...> Инстинктивное стремление этой человеческой структуры – прятать свою самобытность, оставаясь анонимным, словно в самобытности источник всякой несправедливости, зол и бед». Однако «...нельзя говорить о массе, не задаваясь вопросом о ее положительном смысле. Не нужно особой зоркости, чтобы увидеть, сколько неповторимого должно будет погибнуть, если определяющей формой человека станет не высокоразвитый индивид, а множество похожих друг на друга человеческих единиц. Гораздо труднее понять, какие новые человеческие возможности могут открыться при этом»¹⁵.

В постмодернистской мысли понятие «массы» было объявлено принципиально неопределимым. Так, **Ж. Бодрийяр** в знаковой работе «В тени молчаливого большинства, или конец социального» провозгласил: «Все хаотическое скопление социального вращается вокруг этого пористого объекта, этой одновременно непроницаемой и прозрачной реальности, этого ничто – вокруг масс. Магический хрустальный шар статистики, они, наподобие материи и природных стихий, "пронизаны токами и течениями". Именно так, по меньшей мере, мы их себе представляем. Они могут быть "намагничены" – социальное окружает их, выступая в качестве статического электричества, но большую часть времени они образуют "массу" в прямом значении слова, иначе говоря, все

электричество социального и политического они поглощают и нейтрализуют безвозвратно. Они не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще. Все их пронизывает, все их намагничивает, но все здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального». По мысли Бодрийера, «именно в этом смысле масса выступает характеристикой нашей современности – как явление в высшей степени импозитное, не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией, а может быть, и вообще любой практикой и любой теорией... <...> Термином "масса" выражено не понятие. За этим без конца используемым в политической демагогии словом стоит рыхлое, вязкое, люмпенаналитическое представление... <...> Стремление уточнить содержание термина "масса" поистине нелепо – это попытка придать смысл тому, что его не имеет... <...> Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность, или радикальная неопределенность»¹⁶...

Перечень трактовок массы можно продолжать еще долго. В современной расширенной типологии масс выделим следующие варианты: 1) просто статистически значимое множество людей; толпа (Г. Лебон и др.); 2) публика (Г. Тард); 3) гетерогенная аудитория, противостоящая гомогенным группам (Э. Ледерер, Х. Арндт, С. Московичи); 4) «агрегат людей, в котором не различаются группы или индивидуумы» (В. Корнхаузер); 5) уровень некомпетентности и снижение цивилизации, связанные с определенным антропологическим типом (Х. Ортега-и-Гассет); 6) продукт машинной техники и технологии (Л. Мамфорд); 7) «сверхорганизованное»

(К. Маннгейм) бюрократизированное общество, в котором господствуют тенденции к униформизму и отчуждению; 8) стремящееся к выживанию «тело социума», стратегически кодирующее (идентифицирующее) человеческое существование в преодолевающих его «единичность» коммуникациях; 9) форма защиты от одиночества и смерти (Э. Канетти); 10) «неподлинно существующая» совокупность людей, обеспечивающая решающее значение воли и свойств большинства в современном обществе (К. Ясперс); 11) противоположная личности человеческая структура, связанная с развитием техники, планирования и программирования, «носитель будущего» (Р. Гвардини); 12) «власть нейтрального» и «радикальная неопределенность» (Ж. Бодрийяр); 13) синоним слова «слои» – «трудящиеся массы», «народные массы», «беднейшая масса» (К. Маркс, Ф. Энгельс), или даже весь «народ» либо наиболее передовая и сознательная часть общества (В.И. Ленин); 14) «ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)»¹⁷ (Б.А. Грушин)... и т.д., и т.п.

Обобщая, формулируем основные результаты мультидисциплинарного подхода к исследованию масс – наряду с *количественным* показателем «массовости» (как масштабности, включенности в массу численно значимого множества людей) массы характеризуются рядом отличительных *качественных* признаков: 1) *специфическая коллективность* (особый надындивидуальный и надгрупповой («эксгрупповой») характер возникновения и функционирования); 2) *анонимность* (деперсонализированность состава, «растворение» в массе сознательной личности и, соответственно, временное исчезновение у индивидов сознания личной ответственности и необходимости персонального контроля за своими действиями); 3) *чувство силы* (завышенная ее оценка у

составляющих массу индивидов; ощущение всемогущества и вседозволенности, сопровождающее ощущение безнаказанности); 4) *преобладание бессознательного* (архетипов, стереотипов, инстинктов, навыков и т.д.; снижение интеллекта и всех сознательных способностей рационально-рассудочной сферы; 5) *обостренная эмоциональность* («усиленность» восприятия, гиперболизированность чувств и степени переживания); 6) *неструктурированность* (неразделенность, «сплавленность» массы воедино («синкретичность»), отсутствие строгой внутренней дифференциации составляющих массу членов); 7) *гетерогенность* (разнородность и противоречивость состава массы по утрачивающим социальную значимость индивидуальным характеристикам: полу, возрасту, происхождению, социальному статусу, уровню образования, отношению к религии, принадлежности к различным классическим социальным группам и т.д.); 8) *стохастичность* (вероятностность, открытость, размытость границ, неопределенность, неупорядоченность и случайность состава); 9) *статистичность* (аморфность, качественная несводимость к системному целостному образованию, принципиально отличному от количественно составляющих массу элементов); 10) *статичность* (отсутствие самостоятельной способности к организации динамики, неизменность системообразующих параметров, пассивность и инерционность в выборе методов своих действий); 11) *мобильность* (психическая энергичность, подвижность и податливость к решительному внешнему воздействию); 12) *ситуативность* (зависимость от конкретных особых обстоятельств, изменчивость и временность существования); 13) *стихийность* (отсутствие целенаправленной рациональной программы действий, аффективная спонтанность настроения и поведения); 14) *зараженность* (общность острых психических переживаний, однонаправленность и одновременность выполнения импульсивных действий; ориентация массой мыслей и

чувств индивидов в одном и том же русле); 15) *внушаемость* (склонность к легкому усвоению упрощенных рецептов алогичного мышления и поведения, нерациональное стремление к слепому подражанию и некритичному следованию за вожаком; тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей); 16) *радикальность* (стремление к крайним мерам и безотлагательным действиям, ориентация на инверсионность, простоту, немедленность и насильственность разрешения любых проблем); 17) *функциональность* (ориентированность на практическое решение конкретной жизненной задачи)...

Сочетание различных подходов и объединение результатов их применения, осуществляемое на стыке целого комплекса дисциплин, помогает рационально оценить состоятельность многих «научных» мифов и разглядеть за внешней противоречивостью проявлений масс скрытое внутреннее единство их функциональной обусловленности¹⁸.

В таком контексте, использование мультидисциплинарного подхода к исследованию масс позволяет существенно увеличить эвристический потенциал такого исследования и по-новому взглянуть на многие «старые» проблемы, актуальность которых в современном обществе только возрастает.

Библиография

- ¹ *Ольшанский Д.* Политическая психология. СПб., 2002. С. 367.
- ² *Чернов Г.Ю.* Социально-массовые явления: Исследовательские подходы. Дубна, 2005. С. 59; 69.
- ³ См.: *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993.
- ⁴ См.: *Местр Ж. де.* Рассуждения о Франции. М., 1997.
- ⁵ См., напр.: *Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика: Историко-философский очерк. М., 2001.
- ⁶ *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 150.
- ⁷ *Тард Г.* Мнение и толпа // Психология толп. М., 1998. С. 257.

⁸ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 40, 373, 93, 411, 472.

⁹ Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Психология масс. Самара, 2006. С. 134, 193.

¹⁰ Райх В. Психология масс и фашизм. М., 2004.

¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 25.

¹² Цит. по: Канетти Э. Масса и власть // <http://lib.ru/POLITOLOG/KANETTI/power.txt>.

¹³ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 313.

¹⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 415.

¹⁵ Гвардини Р. Конец философии нового времени // Феномен человека: Антология. М., 1993. С. 267–269.

¹⁶ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 6–7, 9–10.

¹⁷ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 234–235.

¹⁸ См., напр., работы автора статьи П.П. Марченя: Современные подходы к изучению масс и массового сознания в истории: тенденции и результаты // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 3; О полидисциплинарном подходе к изучению места и роли масс в истории // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. История России». 2012. № 4; Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России // Философия хозяйства. 2004. № 3; Империя, партии и массы в русской смуте // Власть. 2010. № 3; Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. 2008. № 4; Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. История России». 2009. № 17; Массы и партии в 1917 году: массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2; Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19; Психология масс и партий в русской революции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». 2009. № 3; Российская многопартийность в зеркале массового сознания // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 2; и др.